

Отзыв

о диссертации Е.А. Валовой «ПОЗИЦИОННЫЕ СВОЙСТВА ЭНКЛИТИЧЕСКИХ ЧАСТИЦ: КОРПУСНОЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА ПРИМЕРЕ ЧАСТИЦЫ «ЖЕ»», представленной ее автором на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языка

Позиционные свойства частицы *же* и других частиц долгое время служили объектом диахронического изучения. Прежде всего потому, что в русистике энклитические свойства частиц преимущественно рассматривались на материале мертвого языка: древнерусского. Решающие результаты в этом направлении были получены в работах А.А. Зализняка в связи с анализом древнерусского новгородского, который демонстрировал последовательную верность закону Ваккернагеля. В рецензируемой работе делаются новые шаги в продолжение этой линии: автор 1) рассматривает современное расположение частицы *же*, которая в существенной степени сохранила верность закону Ваккернагеля до наших дней и 2) разрабатывает новые методы в применении к анализу традиционного объекта. Рецензируемая работа Е.А. Валовой вносит ценный вклад в развитие данного направления исследований.

Основной задачей, которую ставит перед собой автор рецензируемой работы, служит анализ устойчивости частицы *же* во второй ваккернагелевской позиции в современном русском языке. Автор рассматривает не только самый новейший срез, но и расположение частицы *же* в предложении на протяжении примерно последних двухсот лет.

К основному достижению автора в рецензируемой работе мы бы отнесли применение к анализу материала двух современных методов анализа языка: корпусного и экспериментального. Эти два метода взаимно дополняют друг друга, и именно в обсуждении, разработке и практическом применении этих методов к анализируемому материалу автор видит свою основную задачу. Именно методологический аспект составляет на наш взгляд основную научную ценность и актуальность работы. И композиция работы построена исходя из этой основной задачи: анализу инструментов и методов посвящена первая глава работы. Попутно заметим, что, конкретные результаты анализа, полученные в результате применения комбинации двух методов, безусловно, представляют и самостоятельный интерес. Во введении дается определение клитик, клитических свойств «маленьких» слов и особенностей частицы *же*. Первая же глава работы посвящена истории разработки, применению и особенностям каждого из методов, используемых в работе, в частности, в их комбинации. Автор приходит к выводу, что в

большинстве лингвистических работ использовался по преимуществу какой-нибудь один метод, и видит свою задачу в комплексном применении обоих методов.

Вторая глава посвящена истории анализа клитик. Автор рассматривает труды, посвященные синтаксису и семантике клитик русского языка. Основное внимание уделяется семантическому анализу частицы *же*. В последующих главах будет показано, что частицы в различных значениях обнаруживают различные позиционные свойства. Так, противительное *же*, когда в сферу его действия попадает смысл, соотносимый с первой словоформой начальной именной группы, фактически не допускает помещения *же* во вторую — нестрогую — ваккернагелевскую позицию. И наоборот, если противопоставление соотносится со смыслом, который выражается двумя словоформами, помещение *же* в нестрогую ваккернагелевскую позицию более вероятно. Семантическими причинами объясняется и большая часть случаев помещения *же* в нестрогую ваккернагелевскую позицию, если именная группа, соотносимая с *же*, представляет собой устойчивое словосочетание. Это автор убедительно показывает и с применением корпусного метода, и экспериментального. Идея о семантической слитности как факторе позиционирования *же* в предложении представляется нам очень ценной. Семантический анализ как самой частицы *же*, так и именной группы, с которой соотносится *же*, играет решающую роль в результатах, полученных автором.

Третья глава посвящена конкретно корпусному анализу клитик. Автор рассматривает два синтаксических контекста для *же*: *же* в контексте двух имен собственных и в комплексе «прилагательное плюс существительное». Выводы по этим двум контекстам автор приводит по каждому контексту отдельно. Интересные результаты возникают при сравнении двух типов контекстов, в частности, при выделении различных видов слитности. Автор приводит конкретные данные по временным периодам, которые обнаруживают интересные различия и общую тенденцию к расшатыванию закона Ваккернагеля с течением времени. Эта тенденция прослеживается по стилистически и функционально охарактеризованным корпусам текстов (художественных, поэтических, газетных, устных), по различным подзначениям *же*.

Четвертая глава посвящена экспериментальному анализу *же*. Автор разрабатывает глубоко продуманный дизайн эксперимента, который нацелен на анализ речи носителей. Результаты применения экспериментального метода во многом дополняют результаты, полученные корпусным путем, так как путем эксперимента исследователь может получить данные с заранее запрограммированными свойствами, примеры, которые могут недостаточно часто встречаться в реальных текстах. Интересно, что оба метода дают особые результаты распределения поведения *же* во времени: корпусное исследование *же*

отражает поведение *же* в текстах «различного возраста», скажем, сравниваются тексты начала прошлого века и современные, а при экспериментальном исследовании временная координата связана с отражением возраста респондентов. Автор показывает, что обе координаты — и «возраст текста», и возраст человека — имеют общую тенденцию к укреплению *же* в нестрогой ваккернагелевской позиции. Анализ различий в связи с «возрастом текста» и возрастом человека, говорящего на языке, представляется нам весьма ценным. Кроме возраста, ценен также учет и других социолингвистических параметров говорящих, прежде всего, уровень их образования. В заключении сопоставляются результаты применения двух методов анализа к исследуемому материалу и обобщаются полученные результаты.

Жанр отзыва требует от нас перейти к замечаниям по работе.

Все наши замечания касаются проблем семантического, синтаксического и коммуникативно-просодического анализа частицы *же*. К инструментальной части работы у нас практически нет замечаний. Наше основное замечание касается, казалось бы, естественного ограничения, накладываемого автором на объем исследуемого материала. Автор подвергает анализу только два типа синтаксических единств, которые рассматриваются как сфера действия частицы *же*: это 1) комплекс имен собственных, состоящий из двух имен собственных (ср. *Марфа Степановна, Борис Годунов*, сочетания типа *Жан Поль Сартр* или *Иван Иванович Иванов* автором не рассматриваются) и 2) именные группы типа «прилагательное плюс существительное». Решение ограничить материал понятно: рассмотрение всех синтаксических контекстов *же* сделало бы работу неподъемной. Однако нельзя не заметить, что это ограничение, во-первых, несколько сужает содержательные рамки работы, так как в зону внимания попадают только начальные именные группы, а, скажем, глагольные группы (... *рисовала же она великолепно*), которые тоже имеет свои интересные особенности и дополняют общую картину, полностью выпадают из анализируемого материала (ср. также пример из корпуса: *Пел же мерзавец ни больше ни меньше как: «Мы будем делать все, что мы захотим!* [Митьки. Подросток (1988)]).

Сужение точки зрения начальными именными группами, как кажется, сказывается не только на полноте, но и на точности анализа. Приведем пример в подтверждение этого недостатка. При рассмотрении особого, как замечает сам автор, типа коммуникативно-просодической и, одновременно, семантической структуры с вынесением ремы в абсолютное начало предложения (с. 134, 167 диссертации), упускается из виду структура, при которой предложение имеет те же просодические особенности, но другой порядок слов, когда именная группа не расположена целиком в начале предложения, а подвержена

дислокации. В предложениях с дислокацией прилагательное расположено в начале предложения, а существительное-хозяин — в конце. При этом тема, если она есть (ее может и не быть), и другие не имеющие собственного коммуникативно релевантного акцента компоненты предложения оказываются в центральной части между частями расщепленной ремы. Интересно, что структура с дислокацией даже более частотна, чем структура без дислокации, которая рассматривается автором только в силу изначального ограничения анализируемого материала цельной именной группой. Иначе говоря, автор анализирует исключительно тип *Шустрый же мальчик у тебя*, при том что структура *И шустрый же у тебя мальчик* с темой *у тебя*, которая расположена не постпозитивно — после начальной ремы, а выдвинута в центр в продолжение клитической цепочки, в таком контексте также должна была бы быть подвергнута анализу. Поясним эту мысль на примерах из работы и из корпуса.

Начнем с семантики рассматриваемой структуры и частицы *же* в данном контексте. На стр. 134, 167 и других автор говорит о том, что бывает не простое усилительное *же*, а вынесенная в начало рема, сразу, таким образом, относя рассматриваемый тип к классу усилительных контекстов *же*. На стр. 134 приводятся следующие два примера на усилительное, как считает автор, *же*:

И все наверняка думали: ну и невоспитанная же псина! [Валерий Сюткин: «Предпочитаю ломающийся 'Ягуар'» // Известия, 2005.07.07]

— *Вы куда это, граждане?.. Русским языком же написано: «Карантин!»* [Светлана Кычанова, Евгений Лев. Две стороны одного омского карантина // Комсомольская правда, 2009.11.25].

Представляется, что в структуре *Русским языком же написано: «Карантин!»* мы действительно имеем дело с усилительным *же*, между тем в примере ... *ну и невоспитанная же псина!* перед нами другой иллокутивный тип, а именно — предложение восклицательного типа. Восклицательное предложение действительно может иметь форму с именной группой прилагательное плюс существительное в начале или состоять исключительно из двух полнозначных словоформ, как в примере ... *ну и невоспитанная же псина!*, но не менее распространена и структура, как уже говорилось, с дислокацией: ... *ну и невоспитанная же у тебя псина!*; ... *ну и невоспитанная же в у вас, Марья Ивановна, псина!* ... *невоспитанную же вы вырастили псину!* Ограничение на рассмотрение одних только последовательностей типа «прилагательное плюс непосредственно примыкающее к нему существительное» выводит предложения с дислокацией из рассмотрения. Однако это важный тип, который имеет надежное просодическое описание в системе Е.А. Брызгуновой в виде конструкции ИК-5 с начальным подъемом, ровной центральной частью и падением

в исходе предложения, или фигуры типа «шляпа». По Брызгуновой, этот просодический и иллокутивный тип представлен предложениями типа *Какая хорошая сегодня погода!*. Мы предполагаем, что и предложения типа *...ну и невоспитанная же псина!*; *... ну и невоспитанная же у тебя псина!* относятся к тому же коммуникативно-просодическому и семантико-прагматическому типу. Предложения такого типа с частицей *же* легко отыскиваются в корпусе, ср. примеры, где имеется расщепленная рема и тема, расположенная в ваккернагелевской нише между частями расщепленной ремы:

Ух, и красивый же был парубок этот Опанас, страх красивый! [В. Г. Короленко];

Хороший же у ландскнехтов духовный пастырь. [Елена Хаецкая. Мракобес/ Свора пропащих (1997)];

Смелый же вы человек! — вздохнул Петр Дмитриевич. [А. В. Амфитеатров. Отравленная совесть (1882-1893)];

Ах, и сильный же вы человечина! Что, если вы кого-нибудь этак... нечаянно? [А. И. Куприн. В цирке];

Хорошего же он обо мне мнения, ведь Сидоренко, наверное, изложил ему всю мою биографию. [Е. А. Нагродская];

И грязный же у нас город, — сказала Калерия. [В. Лихоносов].

Итак, восклицательные предложения с частицей *же* и ремой, которая синтаксически представляет собой именную группу «прилагательное плюс существительное», могут иметь, как минимум, три линейно-акцентные модификации: 1) с отсутствием темы (*Шустрый же мальчик!*; *Ну и невоспитанная же псина!*); 2) структуру типа рема-тема (*Шустрый же мальчик у тебя!*); и 3) структуру с дислокацией ремы (*И невоспитанная же у тебя псина*; *И шустрый же у вас мальчик!*). Наша гипотеза состоит также в том, что частица *же* может рассматриваться как средство расщепления ремы и образования восклицательных предложений с дислокацией и в отсутствие темы, ср.: *Невоспитанная псина!* vs. *Невоспитанная же псина!* В результате, в силу изначального ограничения материала начальными именными группами из рассмотрения выпадают существенные в контексте рецензируемой работы восклицательные предложения с частицей *же*, их коммуникативная и просодическая структура, их линейно-акцентные варианты, и наконец, предложения с именными группами, имеющими и постпозитивные зависимые, и именно они служат носителями рематического (нисходящего) акцента. Ср. *И чудные же у вас пирожки с капустой!*, где имеется 1) включающий частицу *и* начальный компонент сложной ремы *И чудные*, он несет подъем, 2) включающая частицу *же* атонированная тема *же у вас*, которая произносится на высоком ровном тоне, и 3) второй фрагмент расщепленной ремы *пирожки с капустой* с акцентоносителем ремы словоформой

капустой, она несет рематический (нисходящий) акцент, свидетельствующий о том, что перед нами рема. И наконец, заметим, что в примере *Русским языком же написано: «Карантин!»* с усилительным *же* представлен иной просодический тип: с ИК-2 (по Брызгуновой) на акцентоносителе словоформе *языком*. В результате, перед нами два различных иллокутивных и коммуникативно-просодических типа предложений с усилительным *же* (*Русским языком же написано*) и *же* в восклицаниях (*Невоспитанная же псина!*).

Имеется неточность на стр. 88, где говорится «...наравне с этими различиями существует и другое просодическое различие между разными употреблениями *же*: *же* противительное может, будучи поставленным после первого слова предложения, относиться по смыслу ко всему высказыванию; но такой прием недопустим для *же* аргументативного (*Не подходить ко мне: ведь моя болезнь заразительная (*моя же болезнь)*.)» Последнее, как кажется, неверно. *Же* аргументативное, или причинное, по Зализняку [Зализняк 2008, стр. 28], функционирует именно в предложениях о причине ср.: *ведь моя же болезнь заразительная*. Большой класс предложений о причине (к которому относится и приводимый автором под звездочкой пример *моя же болезнь заразительная*) — это нерасчлененные предложения, они же *thetic* (или предложения с неингерентной темой), и в них весьма часто используется аргументативное *же* (наряду с *ведь*): *я же болел; тише, бабушка же спит*, ср. также примеры из корпуса:

— А почему она закрыла глаза? — Так она же спит. — Спит?.. [Аркадий Хайт. Монологи, миниатюры];

— Почему это Томка лает? Ведь он же спит!. [Евгений Чарушин. Томкины сны (1965) // «Мурзилка», 2001];

Ср. также на стр. 133 диссертации: — *Нет, Алеша, я сегодня занята.... — Чем же это? ... Ну, стиркой. Новый год же...* [Андрей Битов. Сад (1960-1963)];

На стр 135: «*Несмотря на кризис, люди сорили деньгами. Новый год же! Меньше 200 рублей чаевых мне не оставляли*», — вспоминает Аня. [Кому водка — кому подработка // Труд-7, 2009.11.11];

На стр 137: [Зоя, Олеся Железняк, жен, 26, 1974] *Мы с матерью козу продали / ну чтоб не с пустыми карманами же мне в Москву заявиться*. [Тигран Кеосаян, Ганна Слуцки. Ландыш серебристый, к/ф (2000)];

На стр 139: *А ты Осла назначь: он знатного же чина*.

И попутно, отметим неточность анализа примера из Крылова *А ты Осла назначь: он знатного же чина*. Здесь *же* стоит не в позиции после первого слова, как указывает автор, а после второго, поэтому, видимо, нужно специально оговорить, что после местоимения *он*

имеется барьер. Наши сомнения, однако, связаны здесь с тем, что местоимение *он* — это не барьер в смысле А.А. Зализняка. Сравним также пример с порядком слов *Он же знатного чина*, который действительно демонстрирует действие закона Ваккернагеля, но нарушает размер стихотворного текста. Возможно Крылов здесь отступает от закона Ваккернагеля в пользу размера стиха. В принципе, стихотворный текст — это не самый надежный материал для анализа позиционных свойств частиц. Данный пример нуждается в отдельном обсуждении: однозначно утверждать, что *же* здесь стоит во второй ваккернагелевской позиции, нельзя.

Кроме того, в связи с аргументативным *же* заметим также, что такие предложения имеют важную черту, на которую обращают внимание [Кобозева, Захаров 2004], и автор цитирует это положение: «противопоставление «акцентирующая частица» vs. «неакцентирующая частица» релевантно только для случаев, когда частица синтаксически связана не с целым предложением». Следовательно, положение словаря [Шимчук, Щур 1999] о том, что частица *же* примыкает к предшествующему акцентированному слову, которое тоже цитирует автор, неверно. Если *же* действительно служит фразовой частицей, как в нерасчлененных предложениях о причине, акцентированное слово может находиться и после *же*: *Я же болел; Он знатного же чина; Он же спит; Он же разбил чашку; Его нет дома: он же вчера выехал в Саратов*. В результате, еще одно наше замечание к автору состоит в том, что в обзорную часть научной работы следует включать критические замечания по поводу положений, с которыми автор солидаризируется или нет: из текста обзора не всегда ясно, с какой точкой зрения согласуется мнение автора.

Еще одно замечание. На стр. 105 автор утверждает, что «*тот* без *же* в современном русском языке почти не употребляется как анафор, поэтому сочетание *тот же* можно трактовать как фразеологическое единство». Это опрометчивый вывод. Во-первых, *тот* без *же* оказывается достаточно частотным компонентом анафорических выражений, ср.: *На борту работали два космонавта, и тот, который оказался в рабочем отсеке, первым вышел на связь; Космонавт связался с начальником центра. Тот изложил план дальнейших действий экипажа*. И во-вторых, вхождение единицы во фразеологическое единство, как кажется, не зависит от того, может она функционировать вне фразеологического контекста или нет, ср. фразеологизмы *дать по шею, уйти в кусты, синий чулок*, компоненты которых свободно функционируют вне фразеологического единства.

В результате, отметим, что высказанные здесь критические соображения несколько не умаляют достоинств рецензируемой диссертации. Они говорят только о том, что диссертация наводит читателя на размышления.

Можно заключить, что рецензируемая диссертация полностью отвечает требованиям ВАК, предъявляемым к кандидатским диссертациям по специальности 10.02.19 – Теория языка, а ее автор заслуживает искомой степени. Автореферат и публикации по теме работы, в том числе статьи в сборниках, рекомендованных ВАК, отражают ее основное содержание.

Рецензируемая диссертация полностью соответствует пп. 9 и 10 Положения о присуждении ученых степеней и является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненного автором исследования содержится решение задач, имеющих существенное значение для теории языка, а также для русистики и сравнительно-исторического языкознания.

Татьяна Евгеньевна Янко

129327 Москва Менжинского 23-1-234

tanya_yanko@list.ru

84991894392

ФГБУН Институт языкознания РАН

Москва 125009

Б. Кисловский пер. д.1 стр. 1

8(495) 690-35-85

iling@iling-ran.ru

<http://iling-ran.ru/>

По теме рецензируемой диссертации оппонентом опубликованы следующие работы:

1. Янко Т.Е. Проявление закона Вакернагеля в коммуникативных стратегиях современной русской речи // Активные языковые процессы конца XX века. IV Шмелевские чтения. М. 2000.
2. Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М., Языки славянской культуры. 2001. 384 с.
3. Янко Т.Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М. ЯСК. 2008. 312 с.
4. Янко Т.Е. Использование корпусного материала при анализе коммуникативных функций лексем *редко* и *мало* // Вопросы филологии. 2014. № 3-4 (48). С. 60-68.

Главный научный сотрудник отдела теоретического языкознания

Института языкознания РАН, доктор филологических наук

Т.Е. Янко

